* * *

В морозный день, сквозь радугу ресниц,
смотри на свиристелей — нет заботы.
Внимательно послушай этих птиц,
молчи, не спрашивай, зачем и кто ты.

Согласье полное — об этом звук.
Как ты наивен со своим вопросом,
когда стоишь, пространства бедный друг,
под чудным облаком светловолосым.

Сияет луч, и мягок и колюч,
на ледяных фигурах — жёлто, гладко.
Всё чище и светлее дня загадка,
но, к счастью, от неё потерян ключ.

* * *

Я запомню лиловую просинь
между листьев, когда я умру.
Будет жаркая жёлтая осень,
раздеваясь, стоять на ветру.

Отразится на меди медовой
голубое и белое. Что ж,
подивишься, как ровно, сурово
я молчу, и за гробом пойдёшь.

Только облако тает несмело.
Только крутится, падая, лист.
Проводив своё бедное тело,
что предпримешь, материалист?

Зрелый воздух, в блистающей луже
застоялась холодная рябь,
и становится облако уже.
Боже мой, это зренье ослабь,

всё так резко! Не думай об этом,
но смотри на щекочущий свет
средь листвы. Меж тобою и светом
никакого препятствия нет.

* * *

Шарообразное молчанье лип,
сквозящий свет, и тени на асфальте,
и скрипки, заменённые на альты,
мне говорят, что я живу, что я погиб.
Зачем я слышу твой чудесный голос
в шатающейся с шорохом тиши,
скажи мне, глухота чужой души?
Светло и больно что-то откололось.
Стою один и вспоминаю жуть
ошеломительного неба, Млечный Путь,
звезду с звездой, эфир над нами первозданный,
причал, зуд комара, дурную тишь,
свет фонаря, мелькающую мышь
летучую, и трепет, разговор, сопрано,
и ночь глубокую, как женский взгляд.
И не смогу понять я утром ранним,
как дальше с этим жить воспоминаньем.
Я в прошлое смотрю: там двое говорят.

* * *

Я расскажу тебе. Имей в виду,
всё будет ложью, что бы ни сказал.
В стоическом двухтысячном году
я ничего не потерял.
Теперь, когда минуло столько лет,
тех вечеров зачем-то льётся свет.
Не оживляй, пожалуйста, и не жалей
ни протяжённость жёлтую аллей,
ни фиолетовый листок в сухой
траве. Повремени ещё, постой!
Я с опозданьем говорю сейчас,
но промолчать — что зачеркнуть.
Не знаю, кто живей из нас.
Свободно не даёт вздохнуть
мне воздух прошлого, живое зло,
осколки превратившее в стекло.
Живи, умри, прости, привет, —
сказал мне совершеннолетний свет.

* * *

Домой добрался тихий алкоголик,
кладёт разбитые очки на столик.

Он навзничь мёртв, и голова в подушке.
Под ночником отсвечивают дужки.

Жена шепнула, что сыта по горло, —
и целое стекло платком протёрла.

* * *

Зачем трапеция, многоугольник,
ацетилен, Галиция, эвглена?
Зачем? Ведь их забудешь непременно.
Что есть, что нет. Так рассуждает школьник.

Он вырастет и посетит Европу.